

Мин. 207. 1985. 9. 1985

Писатели у микрофона

Евг. ПЕТРОВ

ЗА СПИНОЙ — МОСКВА

(Выступление 27 ноября)

В первый же день войны на радио в редакцию «Последних известий» приехали писатели А. Сурнов, Ж.-Р. Блок, В. Лебедев-Кумач, А. Жаров, И. Эренбург, В. Вишневский. По очереди подходя к микрофону, они читали свои произведения, призывая встать на защиту Родины.

Советские писатели и поэты все военные годы активно участвовали в создании и подготовке радиопередач. Особенно ярко их роль проявилась осенью — зимой 1941 года.

Сегодня микрофонные папки с текстами корреспонденций, выступлений, очерков, рассказов, фельетонов, путевых заметок, пьес советских писателей, написанных в годы войны, хранятся в фонде Гостелерадио СССР в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР. Предлагаемая читателям подборка содержит неопубликованные и малоизвестные выступления, переданные по радио. Некоторые из этих материалов войдут в хрестоматию по истории советской радиожурналистики, которую готовит МГУ совместно с рядом центральных государственных архивов.

Б. КАПТЕЛОВ,
директор ЦГАОР СССР

Скоро уже невозможно было встретить штатского человека.

Это был фронт. Западный фронт я помнил в августе и сентябре, накануне великих и кровавых боев за столицу...

Тогда начиналась осень. Сейчас была злая, колючая, небывало ранняя зима... Земля стала крепкой, как дерево. Погода, идеальная для действия крупных танковых соединений. В такую погоду танки могут пройти решительно в любом месте. И этой погодой воспользовались немцы, чтобы произвести новое решительное наступление на Москву.

Но изменилась не только природа. Танки, приспособляясь к ней, покрылись белой краской. На красноармейцах и командирах появились теплые меховые шапки из голубоватого меха, ватники и безрукавки, которые отлично греют под шинелями.

Сейчас светает только к семи часам утра, а к пяти часам дня уже начинает темнеть. Боевой день стал страшно короток и поэтому особенно напря-

жен. И потому еще фронт стал совсем другим, что пригласила Москва. Тогда, сражаясь за Москву, люди знали, что позади еще большая территория, что если немцы не будут отогнаны сегодня, они будут отогнаны завтра. Сейчас Москва за самой спиной, на некоторых участках всего лишь в шести-десяти километрах. И останавить немцев нужно именно сегодня. Я ни сколько не преувеличиваю, если скажу, что на фронте нет ни одного человека, который поверил бы, что Москва может пасть. Люди хорошо вооружены. У них есть танки (их, правда, немного), отличная артиллерия, пулеметы, автоматы, минометы. Но если придет такая минута, русские люди будут перегрызать врагам горло зубами. Потому что за спиной самое дорогое, что есть у русского человека, — Москва.

Бои идут очень серьезные. Но на фронте, от переднего края до штабов, люди полны уверенности. Тогда на Западном фронте, в августе и сентябре, тоже была уверенность. Но то была уверенность гордой на-

ции, сопряженная с известным добродушием. Заучит это несколько странно, но это именно так — с добродушием мирных людей, для которых убийство, даже на войне, даже самое справедливое из справедливых — занятие малоприятельное. Нужно знать характер русского человека. Это очень добрый человек. Он вспыхивает, но отходящий, и нужно много времени, чтобы он озлобился по-настоящему. Ненависть к захватчикам сделала нашего бойца крепким, как оледеневшая почва, на которой он стоит. Сейчас люди черпают уверенность в своей ненависти.

...Мы сидели в бревенчатой комнате, только вчера покинутой хозяевами... Сейчас в комнате царил полевой телефон и карта. Пахло сапогами и овчиной. Невдалеке шел бой. Казалось, что за стеной, беспрерывно стуча сапогами, сбегает по деревянной лестнице какие-то люди. В деревне есть уже разрушенные дома, и явственно чернеют на снегу следы разорвавшихся мин.

В комнату стремительно вошел лейтенант, от-

ромного роста молодой человек с прекрасным курносим лицом...

— Разрешите доложить! — крикнул он, вытнувшись перед командиром...

— Долаживайте, — сказал командир.

Лейтенант оглянулся, потом махнул рукой и, уже не в силах сдерживать возбуждения, выпалил: — Немцы прорвались на Б.

Командир стал что-то соображать, глядя на карту... Он смотрел на карту страшно долго, катастрофически долго — минуты две.

— Послать в Б. третью роту танков, — тихо, но твердо сказал он наконец.

— Есть!! — гаркнул лейтенант.

Он обвел всех счастливыми глазами, хотел что-то сказать, потом рванулся к двери, потом остановился и спросил: «Разрешите идти?» И, получив разрешение, выбежал с таким грохотом, что после его ухода некоторое время звучала гитара на стене.

— В первый раз идет в бой, — сказал командир. — А хорош.

Да, танкисты шли в бой, как на парад. Потому что за спиной была Москва.

Уже было совсем темно, когда получили донесение, что пункт Б. отбит и немцы отброшены в исходное положение.